

лась письменным договором и была менее жесткой, чем зависимость лигия. Зато и объем юридических и «рыцарских» прав и привилегий был для вассалов «простого оммажа» сужен. Византийское влияние сказалось на порядке наследования имущества: если для лигий действовало право майората, когда наследником земельной собственности становился старший сын умершего, то в среде греческих архонтов, а также при браке греческой «феудатарии» и латинянина правами на наследство обладали в равной мере все сыновья и дочери умершего. Статус их владений восходил к пронии. На территории Мореи, пограничной с Византией, существовала и особая форма феодальной собственности, когда латинские и греческие сеньоры совместно и нераздельно владели территорией деревни (casaux de raçons) и поровну взимали феодальную ренту с крестьян.

Многочисленный слой греческих феодалов сохранился и на ряде островов Эгеиды, а во владениях Гизи господствующий класс был представлен почти исключительно греками, которые являлись прямыми вассалами правителя и несли в его пользу воинскую службу. Иерархической лестницы там не существовало. На венецианском Крите владения греческих архонтов были признаны договором дуки острова с местными феодалами (1219). Условием держаний была уплата архонтами ежегодно 1/5 доли урожая, 1/5 приплода скота и 1/5 производимого в их хозяйствах сыра. Подобный же договор в 1346 г., сразу после завоевания, был заключен генуэзским предводителем Симоне Виньозо с греками Хиоса. Владения греков, кроме 200 домов внутри крепости, не подлежали отчуждению, а за указанные дома была выплачена сумма, определенная согласительной греко-генуэзской комиссией. Были сохранены и владения церкви, глава которой, однако, назначался теперь маоной Хиоса. На Хиосе греческие феодалы остались вне рамок господствующего класса, но тесно сотрудничали с ним, сохранив часть своих прав и привилегий. Они довольно активно участвовали в сбыте местного сырья, в совместных с генуэзцами торговых операциях. Первоначально генуэзцы стремились обособить укрепленный центр, где они селились, от предместьев-бургов, где жило местное население. Так было на Хиосе, в Пере, в Каффе. Но постепенно это разграничение становилось все более условным, и огромное число исключений из установленного ранее порядка аннулировало саму систему. Этническая сегрегация умирает при сохранении и углублении четких разграничений жителей по социально-имущественному признаку.

Примечательная эволюция феодально-колониционных методов произошла и на Родосе. Сперва орденские власти для упрочения военного могущества иоаннитов предоставляли приглашенным на остров западным переселенцам землю в постоянный феодал за воинскую службу и охрану территории. Но число прибывавших на остров по приглашению было весьма ограничено: итальянские купцы предпочитали селиться в городах, а не в сельской местности, а собственно рыцари прибывали редко; сказывались и отдаленность, и нестабильность политического положения. И тогда иоанниты перешли к другой практике — предоставлению в эфитевтическую аренду земель как латинянам, так и грекам. На полученные от арендной платы деньги приглашали наемных воинов-стипендиариев. Такая практика обеспечивала большую поддержку местного населения, чем и объясняется отсутствие серьезного сопротивления господству иоан-^{21}нитов на острове. Сильная эллинизация господствующего класса произошла и на Кипре после политического кризиса середины XIV в. и «Великой схизмы», ослабившей связи острова с Западом. Лишь в Латинской империи не сложились устойчивые отношения между представителями старого и нового господствующего класса, что и было одной из причин ее быстрого падения.

Но если архонты нашли свое место в структуре господствующего класса большинства государств Романии, то не так обстояло дело с высшим звеном византийской знати. Ее представители, как, например, владевший Навплием, а затем и Коринфом Лев Сгур, включились в активную борьбу с завоевателями и стремились создавать или сохранить собственные апанажи. Подчас они возглавляли и выступления народных масс. Но эта группа либо исчезала под ударами более сильных противников, либо эмигрировала в греческие земли (Никею, Эпир, затем в Византию). Некоторые представители старой знати могли опускаться до положения архонтов Латинской Романии. Но ни одно из ее государств не допускало греческих апанажей на своей территории.

Социально-экономический строй, установленный на территории Латинской Романии, своеобразно сочетал в себе в разных пропорциях формы западноевропейского феодализма с византийскими аграрными порядками, сложившимися в эпоху Комнинов и Ангелов. Наиболее радикальным изменениям подверглась политическая и юридическая надстройка, в то время как